

Гу Чанъань, который изначально собирался притвориться, что ничего не знает, молчал.

Лу Чэн заботливо произнес:

— Знаю, что у тебя тонкая душевная организация и ты стесняешься даже при представителях своего пола, поэтому я все время держал глаза закрытыми. Я ничего не видел.

Гу Чанъань как раз хотел сказать, что не считает его за идиота, как услышал продолжение:

— Твоя кожа такая белая и гладкая, словно очищенное яйцо.

Гу Чанъань швырнул в него пустой стакан, стоявший на столе. Лу Чэн поймал его и со смешком прокомментировал:

— Почему у тебя такой скверный характер?

Мужчина поймал стакан легко, без малейшего напряжения или неловкости, словно играючи. Зрачки Гу Чанъаня слегка сузились, но эта перемена тут же исчезла.

Лу Чэн поставил стакан на место и с легкой усмешкой добавил:

— Я, конечно, не смотрел, но руками-то касался.

У Гу Чанъаня на виске запульсировала вена:

— Довольно!

Лу Чэн продолжал улыбаться. Он покачал головой и сказал:

— Чанъань, ты совсем не понимаешь шуток.

Гу Чанъань холодно ответил:

— Верно.

В палате воцарилась тишина. Гу Чанъань, прислонившись к изголовью кровати, ел пирожное из рисовой муки. Оно было не только мягким, но и тягучим, и благодаря еде его хмурое лицо постепенно прояснилось.

У Дабин и Личунь, хорошо знавшие Гу Чанъаня, понимали: стоит ему проголодаться, как настроение портится, но если удастся поесть что-то вкусное, он непременно придет в норму.

Лу Чэн наблюдал, как юноша обеими руками грызет пирожное, оставляя на нем ровные следы зубов, и вдруг сказал:

— Чанъань, глядя на тебя сейчас, я нахожу тебя довольно милым.

Гу Чанъань поперхнулся. Он постучал себя по груди, запил водой и буркнул:

— А мне на тебя смотреть лень.

Лу Чэн потрогал свое лицо:

— Не может быть. Все, кто меня видит, обычно смотрят с выражением лица, будто я спустился с небес.

Гу Чанъань промолчал.

Доев пирожное, он все же не удержался и завел речь о том неприятном инциденте:

— Лу Чэн, зачем ты сделал со мной то, потом сделал с собой это, а затем еще и со мной заодно?

Сами слова были еще терпимы, но вот картины, которые рисовало его воображение, были пугающе мрачными и глубокими.

Лу Чэн нахмурился:

— Ты что, считаешь меня извращенцем?

Гу Чанъань искоса взглянул на него. А ты как думаешь?

Лу Чэн опустил ногу, которую держал закинутой на другую, и поджал губы:

— В этот раз я проявил лишнее участие. Больше такого не повторится.

С его словами температура в палате словно упала.

Гу Чанъань несколько секунд пристально смотрел на мужчину, пытаясь понять, не играет ли тот. Редко встретишь такое. Он откашлялся, прочищая горло:

— Я знаю, что существуют геи, но я не из их числа.

Лу Чэн фыркнул:

— Я тоже.

Гу Чанъань кивнул:

— Вот именно, мы оба не такие.

Лу Чэн посмотрел на Гу Чанъаня так, словно перед ним был капризный ребенок. Мол, ну и что ты тогда еще ломаешься?

Гу Чанъань снова кашлянул и махнул рукой:

— Давай забудем об этом. Спасибо, что вовремя помог.

Лу Чэн промолчал.

Уголок рта Гу Чанъаня нервно дернулся. Что это... обиделся и теперь ждет уговоров? Он мягко произнес:

— Я неправильно тебя понял, прошу прощения.

Лу Чэн остался равнодушен.

Терпение Гу Чанъаня начало стремительно иссякать:

— Послушай, Лу Чэн, хорош уже.

Лу Чэн с каменным лицом процедил сквозь зубы:

— У меня это было в первый раз.

Гу Чанъань вспыхнул:

— А по-твоему, у меня нет?

Лу Чэн невозмутимо смотрел на него.

Гу Чанъань поморщился, его бледное лицо исказилось, но он продолжил мягким тоном:

— Я знаю, что ты благородный человек. Я запомнил это и обязательно отплачу тебе добром.

Только тогда на лице Лу Чэна появилось выражение удовлетворения.

Гу Чанъань помрачнел, подозревая, что этот человек только и ждал данных слов.

Прищурившись за стеклами очков, Гу Чанъань спросил мужчину, сидевшего на стуле:

— Ты же страдаешь лицевой слепотой? Как ты запомнил Личуня?

Лу Чэн ответил:

— Грибовидная стрижка.

Что ж, примета была довольно... своеобразной.

Гу Чанъань о чем-то задумался, а затем спросил мужчину, чей взгляд был направлен влево:

— Ты с кем разговариваешь?

Лу Чэн удивленно переспросил:

— М? Я не разговариваю.

Гу Чанъань сказал:

— Вот как? — Он испытующе окинул мужчину взглядом, лег на кровать, закрыл глаза и добавил: — Поздно уже, я хочу спать. Можешь идти.

— Тогда я пошел, — Лу Чэн поднялся. — Завтра, когда тебя выпишут, я не приду. Есть дела.

Как только дверь закрылась, Гу Чанъань открыл глаза. Только что он отчетливо слышал, как мужчина сказал: «Проваливай». В палате были только они двое, и собеседник явно обращался не к нему.

Его взгляд метнулся по комнате. Здесь кто-то есть?

Вдруг зазвонил телефон. Вибрация заставила Гу Чанъаня вздрогнуть. Он тихо выругался.

Звонил У Дабин, спрашивал, как дела.

Гу Чанъань ответил, что не помер:

— А ты как? Как проходит поездка?

У Дабин ответил на том конце:

— Людей много, машин тоже. За те дни, что я здесь, уже несколько раз видел аварии.

Гу Чанъань предупредил:

— Будь осторожен, не глазей по сторонам и не лезь куда не просят. — Он цокнул языком: — Хотя что я говорю, ты все равно не слушаешь. Ты слишком добр, не удивлюсь, если тебя уже обвели вокруг пальца.

У Дабин замялся:

— Чанъань...

Лицо Гу Чанъаня изменилось:

— Уже обвели?

У Дабин подавленно признался:

— Одна женщина с ребенком на руках подбежала ко мне и закричала, что мужчина позади хочет отобрать у нее малыша. Я поверил и бросился на того мужчину. А потом выяснилось, что он родной дядя ребенка, а та женщина — похитительница, торговка людьми.

— Если бы не прохожие, я бы помог той преступнице украсть дитя. Если бы это случилось, я бы всю жизнь не простил себе. Чанъань, мне так тяжело на душе. Почему люди бывают такими злыми?

Гу Чанъань не ответил на этот вопрос.

Почему? Потому что человек — это сосуд добра и зла одновременно. Насколько он может быть добрым, настолько же может быть и порочным.

— Простодушие, склонность легко поддаваться чужому влиянию и быть использованным... Я не знаю, сколько раз с самого детства тебе это говорил, но ты ни разу не принял это к сведению.

— Я принял, — неуклюже оправдывался У Дабин, — но я... я...

Однако он заикался и не мог толком ничего объяснить.

Гу Чанъань отрезал:

— Ладно, мир велик, все люди разные. Я не могу требовать, чтобы ты стал таким же двуличным, как я. Просто запомни урок: в следующий раз, прежде чем что-то делать, сначала включи голову.

У Дабин помолчал и сказал:

— Чанъань, мне придется задержаться еще на несколько дней.

— Ничего, гуляй, главное, чтобы к концу года вернулся.

Гу Чанъань окончательно убедился, что У Дабин отправился в путь, чтобы выяснить свое

происхождение. Он был слишком простоват и не слишком сообразителен, и если уж решился на такое, значит, у него есть прямые зацепки, позволившие очертить круг поиска или найти цель.

На следующий день, вернувшись домой, Гу Чанъань первым делом отправился в кабинет. Стоя в дверях, он щелчком запустил внутрь камешек, и с притолоки посыпались соевые бобы.

Тот человек здесь не был.

Всю прошлую ночь Гу Чанъань провел в больнице. Если бы у незнакомца была цель, он мог бы действовать еще ночью.

Неужели он зря накручивал себя, и тот человек просто актер погорелого театра?

Гу Чанъань готов был ударить себя по лбу. Как такое возможно? Даже если подумать пальцами ног, можно найти кучу подозрительных моментов. Или же... все эти подозрения никак с ним не связаны?

Осмотрев тайную комнату, Гу Чанъань не обнаружил ничего странного. Он вышел тем же путем, достал из своей маленькой комнатки реквизит, запер дверь и отправился к Чжан Луну.

Чжан Лун, несмотря на вчерашнее купание, не заболел. Он бродил вдоль дороги к реке, выискивая свои ботинки, что-то бормотал себе под нос, его глаза беспокойно бегали, а вид был еще более безумным и беспомощным, чем вчера.

Гу Чанъань прошел за ним некоторое расстояние, а затем повернул обратно и столкнулся с Чжан Пэном. Тот шел с портфелем, его прическа на косой пробор была зализана так, будто ее сто раз облизала собака, а кожаные туфли сияли отполированным блеском.

Проходя мимо, Чжан Пэн заметно отклонился в сторону, словно боясь коснуться вредоносных бактерий.

Гу Чанъань уловил эту деталь и, сделав вид, что случайно оступился, задел его.

Чжан Пэн тут же достал платок и принялся вытирать место касания с выражением крайнего отвращения на лице, будто на его одежду упала куча экскрементов, и он готов был немедленно содрать с себя пиджак и выбросить его.

Гу Чанъань виновато улыбнулся:

— Простите, у меня плохо с координацией.

Чжан Пэн, не проронив ни слова, пошел дальше.

Гу Чанъань тоже достал салфетку, протер руку, свернул за угол и подошел к дому справа от дома Чжан Луна.

— Маленький Гу, ты чего там стоишь?

Голос Лю Цуйфан раздался сзади. Гу Чанъань обернулся:

— Я слышал внутри кашель.

— Это же проклятая душа, — Лю Цуйфан помахала рукой перед носом. — Кашляет целыми днями, скоро совсем загнется. Не подходи близко, а то нахватаешься скверны.

Гу Чанъань выдохнул с облегчением. Раз это человек, то хорошо.

Если бы Лю Цуйфан сказала, что дом пустует уже десяток лет, было бы по-настоящему жутко.

Семья Гу не умела справляться с призраками.

В детстве Гу Чанъань как-то спросил об этом старика, но тот так свирепо на него рявкнул, что мальчик перепугался до смерти и больше никогда не поднимал эту тему.

Старик говорил, что те, кто умеет справляться с призраками, еще страшнее самих призраков. Эти слова Гу Чанъань запомнил навсегда.

Гу Чанъань пробыл там до вечера, а вернувшись домой, спал без задних ног до самого рассвета.

Раннее утро поздней осени дышало прохладой, переходящей в ледяной холод, который пробирал до костей. Вдали улица тонула в тумане, офисные работники уже начали просыпаться, чтобы готовить завтрак.

У Гу Чанъаня завтрака не было. Посердившись на пустые кастрюли, он принялся мыть рис, но от ледяной воды пальцы онемели и перестали слушаться, так что пришлось использовать горячую.

Пришедший Лу Чэн вызвался помочь, но только все испортил.

Гу Чанъань едва сдержался, чтобы не подраться с ним прямо на кухне.

Тем временем Лю Цуйфан, едва проснувшись, лениво расчесывала волосы перед зеркалом,

любуюсь собой. В ее ленивом взгляде проскальзывало нечто весеннее.

— Ой, а где моя заколка? — собираясь уложить волосы, она обнаружила, что недавно купленная заколка исчезла.

Лю Цуйфан швырнула деревянный гребень на столик:

— Наверняка этот безумный мальчишка Чжан Лун опять стащил.

С тех пор как Чжан Лун сошел с ума, вещи в доме постоянно пропадали. Пару дней назад он даже украдкой унес к реке всю домашнюю посуду.

— Проклятый мелкий гаденыш.

Лю Цуйфан выругалась вслух, обнаружив, что пропала не только заколка со стола, но и целая коробка заколок из ящика. Ее ненависть к Чжан Луну достигла предела.

С силой захлопнув ящик, Лю Цуйфан вышла из комнаты, намереваясь хорошенько отчитать Чжан Луна. Но, выйдя наружу, она пришла в еще большую ярость.

На столе в гостиной стояла кастрюля с дымящейся кашей, вокруг валялись миски и палочки. Очевидно, Чжан Лун не только приготовил завтрак, но и уже успел поесть.

— Ха-ха... Что это за припадок у этого сумасшедшего? Еще и завтрак себе готовит, — усмехнулась Лю Цуйфан. Он приготовил еду, но даже не позвал ее.

— Чжан Лун, это ты украл мою заколку?

Выйдя на улицу, она увидела Чжан Луна, который сидел на бетонных ступеньках спиной к ней, совершенно не обращая внимания на утренний холод. Он окончательно потерял рассудок.

— Эй, Чжан Лун, я с тобой разговариваю, слышишь? — голос Лю Цуйфан стал выше, в нем закипал гнев. — Это ты украл мою заколку?

Но Чжан Лун не ответил, словно не понимал слов, и продолжал сидеть на месте.

Лю Цуйфан взорвалась. Как он смеет ее игнорировать? Она быстрым шагом подошла к нему, но, стоило ей разглядеть его лицо, как у нее возникло желание закричать от ужаса.

Она увидела свою любимую розово-фиолетовую заколку, заколотую прямо в грязные, спутанные волосы Чжан Луна.

— Чжан Лун!

Лю Цуйфан закричала. Она наконец сорвалась — этот Чжан Лун был настолько отвратителен, что ее гнев достиг предела.

Подбежав вплотную, она с силой схватила Чжан Луна за шиворот. От резкого рывка его тело развернулось.

— Чжан...

Разъяренная Лю Цуйфан внезапно осеклась. Она увидела лицо Чжан Луна, и ее ярость мгновенно застыла, сменившись ледяным ужасом. Она словно провалилась в бездну, застыв на месте, не в силах сдвинуться с места, чтобы убежать.

— А-а-а-а!

Пронзительный крик, который был слышен по всей улице, вырвался из горла Лю Цуйфан. Она пошатнулась и рухнула на землю, под ней образовалась лужа — от страха она не удержала мочевой пузырь.

Заколки, которые искала Лю Цуйфан, были воткнуты в лицо Чжан Луна, словно гвозди. Мясо было вырвано, а из кончиков заколок капала кровь.

Все лицо Чжан Луна было густо усеяно разноцветными заколками, словно красный кактус. Его черты лица давно исказились, превратившись в сплошное месиво из торчащих заколок.

Вся коробка заколок Лю Цуйфан, до единой, была воткнута в лицо Чжан Луна.

Чжан Лун был мертв.

Чжан Лун умер. Смерть его была ужасающей, жестокой и до того странной, что казалась не делом рук человеческих.

Жильцы округа лишь ощущали неприятный холодок, но особого страха не испытывали: будь то человек или призрак, у всего есть причина и следствие, а их это не касается, так что и бояться нечего.

Лю Цуйфан была в глубоком шоке и не могла прийти в себя. Когда Гу Чанъань увидел ее, она лежала на кровати, плотно закутавшись в одеяло, и нервно что-то бормотала.

— Заколки... все заколки воткнуты в его лицо... одна за другой, все лицо утыкано... у-у-у...

Лю Цуйфан свесилась с края кровати, ее рвало, но в желудке ничего не было, и только горло горело от спазмов.

Гу Чанъань протянул ей стакан воды:

— Тетя, Чжан Лун кому-то перешел дорогу?

Лю Цуйфан не взяла стакан. Ее лицо было мертвенно-бледным, глаза налились кровью, губы дрожали.

Обычно она любила наряжаться и, несмотря на возраст, предпочитала милые вещицы, особенно заколки, которые часто покупала и носила. А сейчас, с растрепанными волосами, она была похожа на сумасшедшую.

— Нет, не знаю.

Гу Чанъань поднял голову:

— Тогда как Чжан Лун мог...

— Не знаю... не знаю...

Лю Цуйфан снова начала бессвязно бормотать:

— Чжан Лун не был создан для учебы. В средней школе связался с плохой компанией, натворил кучу дел, однажды даже в участок загремел.

— Пока его отец был жив, он вытянул из дома все деньги.

Говоря это, Лю Цуйфан немного оправилась от страха, и ее лицо исказила ненависть.

Гу Чанъань внимательно следил за переменами в ее лице. Она ненавидела покойного мужа, считая, что эти деньги должны были достаться ей, а не его сыну — никчемному бездельнику.

Гу Чанъань спросил:

— Разве Чжан Лун не торговал обувью?

— Да, а потом вдруг ни с того ни с сего взялся за ум, завез целую кучу обуви, завалил ею всю комнату. Спал вместе с этими ботинками, вел себя как безумный, словно охранял золотые горы.

Лю Цуйфан вытерла лицо, на ее губах появилась горькая усмешка:

— Куда делись деньги с продаж, ни я, ни его отец не знали. Он только хвастался, сколько пар обуви продал за день.

С этими словами она, вероятно, вспомнила утреннюю картину, и насмешка мгновенно исчезла, уступив место страху и отвращению.

Гу Чанъань успокаивающим тоном сказал:

— Тетя, полиция подключилась к делу, скоро все прояснится.

— Это невозможно, — прошептала Лю Цуйфан. — Это явно не человек сделал. Это призрак, точно призрак. Все лицо в заколках, мясо вывернуто наружу... Я даже звука не слышала, это точно призрак. Маленький Гу, закрой дверь, закрой окна, закрой все! Быстрее, скорее!

Она истошно кричала, ведя себя как безумная.

Гу Чанъань приподнял бровь. Смерть Чжан Луна принесла мачехе не горе, а ужас.

Закрыв двери и окна, Гу Чанъань вернулся к кровати и понизил голос:

— Тетя, старики говорят, что у каждого греха свой виновник. Если это действительно *то*, может, Чжан Лун раньше совершил что-то плохое?

Он ожидал услышать проклятия, но Лю Цуйфан покачала головой:

— Чжан Лун был хулиганом, но никого не убивал. А после того как начал торговать обувью, стал время от времени дарить людям ботинки. Все говорили, что он исправился. Даже когда сошел с ума, люди жалели его и надеялись, что он поправится. — Лю Цуйфан что-то вспомнила и разволновалась: — Только та проклятая душа по соседству, не знаю, какими чарами она его околдовала, он постоянно носил ей обувь.

Глаза Гу Чанъаня сузились, но тут же приняли обычное выражение:

— Я здесь уже несколько дней, но ни разу не видел, чтобы кто-то выходил из дома справа.

Лю Цуйфан ответила:

— У той проклятой души на лице огромное красное родимое пятно, оно занимает почти половину лица. Тебе лучше ее не видеть, чтобы не снились кошмары.

Гу Чанъань был удивлен. Разве она не должна быть красавицей, раз умеет «околдовывать»?

— Именно потому, что она выглядит как нечто среднее между человеком и призраком, я и говорю, что она использовала колдовство, — с отвращением добавила Лю Цуйфан. — Какой нормальный мужчина не убежит, увидев такое?

До сих пор Гу Чанъань сталкивался с бесчисленным количеством лжи, и вся она была тесно связана с человеческими сердцами и природой человека.

Мир, в котором он жил, был одновременно прекрасным и ужасным.

В наше время даже родная мать может поднять руку на ребенка, которого вынашивала девять месяцев, и замучить его до смерти. На фоне этого неприязнь и отвращение мачехи казались сущим пустяком.

Лю Цуйфан не любила Чжан Луна, ее отношение к нему было скверным, в этом не было ничего подозрительного — обычная реакция большинства мачех.

О смерти Чжан Луна она действительно ничего не знала. А вот насчет пропавшей обуви... тут еще можно поспорить.

Гу Чанъань посмотрел на телефон:

— Тетя, уже поздно, я пойду...

Лю Цуйфан вцепилась в его руку:

— Нет, маленький Гу, не уходи. Останься, останься переночевать с тетей.

Лицо Гу Чанъаня дернулось.

Лю Цуйфан, видимо, поняла, что прозвучало это двусмысленно, и смущенно вздохнула:

— Тетя стоит только закрыть глаза, как видит Чжан Луна. Маленький Гу, останься на ночь, побудь со мной, поговори.

Даже сквозь пальто, свитер и нижнюю рубашку Гу Чанъань почувствовал, как по коже пробежали мурашки. Он с трудом подавил желание швырнуть ее об стену.

— Тетя, а где ваши родственники?

Лицо Лю Цуйфан изменилось, она сухо ответила:

— Я с ними не близка.

Снизу послышался голос Цянь Фэя:

— Тетя Лю!

Гу Чанъань сказал:

— Я открою.

Лю Цуйфан боялась оставаться одна и пошла вместе с ним.

Цянь Фэй, увидев Лю Цуйфан, схватил ее за руки:

— Тетя Лю, я ночевал у друга, только сейчас вернулся и услышал о Чжан Луне. Как вы? Вы в порядке?

Лю Цуйфан хрипло ответила:

— Напугана до полусмерти.

Цянь Фэй не отпускал ее руки:

— Эх, никогда бы не подумал, что с Чжан Луном такое случится. Тетя Лю, пойдите ночевать ко мне.

Лю Цуйфан явно заколебалась. Она мечтала покинуть это место, где только что произошло убийство, но ее что-то сдерживало.

— К тебе? Нет уж, не знаю, что скажут твои родители. Маленький Гу побудет со мной.

Гу Чанъань не успел ничего сказать, как Цянь Фэй выпалил:

— Мои родители уехали в гости.

<http://bllate.org/book/19143/1880133>